

**О СПОСОБАХ ПРИСУТСТВИЯ ЛАДА И МУЗЫКАЛЬНОМ НАЧАЛЕ
В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ**

Стаття присвячена розгляду музичного світу в творах М.В. Гоголя і ладу, який набуває свого інобуття в художньому творі і має різні прояви в творчості М.В. Гоголя.

Ключові слова: *художнє бачення, музичний образ, лад, роз-лад.*

Статья посвящена рассмотрению музыкального мира в произведениях Н.В. Гоголя и лада, который приобретает свое инобытие в художественном произведении и имеет различные проявления в творчестве Н.В. Гоголя.

Ключевые слова: *художественное видение, музыкальный образ, лад, раз-лад.*

The article is devoted to consideration of the musical world in works by N.V. Gogol and the tune which acquires another being in an art work and has different manifestations.

Key words: *art vision, musical shape, tune, discord.*

Гениальные творения Н.В. Гоголя принесли в музыку новые образы, расширили ее жанровые и тематические границы. Музыкальный мир в произведениях Н.В. Гоголя – многолик. Однако, «музыкальный образ» не совпадает с ладом в художественном творчестве Н.В. Гоголя. Попытаемся разобраться, как можно классифицировать различные проявления лада в произведениях Н.В. Гоголя: где, когда и как он может проявиться или отсутствовать. Н.В. Гоголь много рассуждает о сущности музыки как вида искусства. Творчество писателя пронизано созданной им музыкально-языковой стихией. Н.В. Гоголь считает музыку «восторженной», «стремительной». Музыка – наслаждение чувственное, она «страсть», «смятение души». С другой стороны, в статье «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность» Н.В. Гоголь указывает на три живительных источника – народные пословицы, народные песни, слово церковных пастырей. Итак, народная песня является «источником живительным». Н.В. Гоголь говорит «о важности народных песен» и в статье «О малороссийских песнях», он подчеркивает их «благозвучность», «душистость». Н.В. Гоголь увидел, как «самая яркая верная живопись» народной песни сочетается с «истинной поэзией» в ней. Народная песня для Н.В. Гоголя та вершина, на которой в истории каждого искусства сходятся усилия ряда лет, порождая новую красоту: «Какую оперу можно составить из наших национальных мотивов!» [1, т. 6, с. 114]. «Звучность» и «живописность» народной песни мы видим в ранних повестях Н.В. Гоголя, проникнутых «*южно-русским*» ладом [2, с. 253], заключающим обаяние его поэтического слова. В «Вечерах» и в «Миргороде» песни органично вплетаются в ткань повествования [3, с. 125]. Песни звучат на украинских вечерницах: «...Только вечер, уже наверное где-нибудь в конце улицы брезжит огонек, смех и песни

слышатся издалеча, бренчит балалайка, а подчас и скрипка» [1, т. 1, с. 4]. Песни «льются», создавая праздничную, гармоничную атмосферу: «Звонкая песня лилась рекой по улицам села ***... парубки и девушки шумно собирались в кружок... выливать свое веселье в звуки...» [1, т. 1, с. 54]; а вот свадебные сцены «Вечеров на хуторе близ Диканьки»: «На двор выкатили бочку меду... музыканты грянули; дивчата, молодежи, лихое козачество в ярких жупанах понеслись» [1, т. 1, с. 148]; «в старину свадьба водилась не в сравненье с нашей... Сам Корж не утерпел... С бандурою в руках... припевая... пустился старичина... вприсяжку» [1, т. 1, с. 49]; «странное, неизъяснимое чувство овладело... зрителем при виде, как от одного удара смычком музыканта, в сермяжной свитке... все обратилось, волею и неволею, к единству и перешло в *согласие*» [1, т. 1, с. 36]. Наблюдая над музыкальной тематикой и образностью художественных произведений Н.В. Гоголя, обратим внимание и на пронизанные лиризмом и *ладностью* строки в «Старосветских помещиках», где невероятно гармоничны «поющие двери»: «Но самое замечательное в доме – были поющие двери... пение дверей раздавалось по всему дому...» [1, т. 2, с. 11].

Дисгармония мира у Н.В. Гоголя выражается также через музыку или же через ее угасание, отсутствие. Тишина, безмолвие оказывается не средоточием изначальной смысловой полноты, молчанием, а своей противоположностью, *вне лада* пребывающей «немотой». В заключительной сцене повести «Сорочинская ярмарка», среди общего веселья, где «все несло», «все танцевало», появляются безжизненные «ветхие лица старух», от которых «веет могилкой». Новый, смеющийся, живой человек – это полнокровная жизнь, согласие, гремящая песня, а старухи – тень жизни. Они бессмысленно подплясывают народу, их жизнь, как и жизнь песни, постепенно угасает. Радость и полнота рождественской службы в «Ночи перед Рождеством» оказывается омраченной для всего народа, «дребезжащий» голос не может заменить «напев» пропавшего кузнеца. В «Страшной мести» не поют казаки, переправляясь через Днепр, ибо опечалены они появлением на свадьбе недоброго гостя – колдуна, и угрюмое их молчание – предвестник новой встречи с «нечистой силой» и с неминуемой бедой: «Отчего не поют козаки? ... Как им петь, как говорить про лихие дела: пан их Данило призадумался...» [1, т. 1, с. 148], – и далее: «... все стихло... Остановился и пан Данило: страх и холод прорезался в козацкие жилы. Крест на могиле зашатался, и тихо поднялся из нее высохший мертвец» [1, т. 1, с. 150]. Отчетливо проявляются дисгармония и саморазрушение человеческой души, не желающей прибывать «в ладу», в повести «Вий», где Хома Брут танцует один, *без музыки*: «... Философ, вдруг поднявшись на ноги, закричал: «Музыкантов! непременно музыкантов!» – и, не дождавсь музыкантов, пустился среди двора на расчищенном месте отплясывать тропака» [1, т. 2, с. 189]. Его душа на распутье, иррациональная сила захватывает героя, он отдаляется от людей. «Для народного же танца характерно последовательное превращение зрителей в исполнителей» [4, с. 16]. В «Вие» не удастся растопить холодного любопытства зрителей. Стойкое неучастье в танце *без музыки* «есть уже выражение той страшной межи, которая пролегла между подпавшим под действие гибельных сил Хомой и остальным миром» [4, с. 16]. «Нечистота» души несет живому зло и беду, оттого Хома и танцует как неживой, как «заправский автомат». Катерина в «Страшной мести» также нелепо танцует в одиночестве и тишине. Ее рассудок замутнен, она отчуждена от гармоничного мира: «Неслась... безумно поглядывая на все стороны и упираясь руками в боки. С визгом припопывала она ногами; без меры, без

такта... и, казалось, или грянется наземь, или вылетит из мира» [1, т. 1, с. 176–177]. Вспомним и танец колдуна в «Страшной мести», он, еще не распознанный, «протанцевал на славу козачка и уже успел насмешить обступившую его толпу... Когда же есаул поднял иконы... губы засинели, подбородок задрожал и заострился... изо рта выбежал клык, из-за головы поднялся горб, и стал козак – старик» [1, т. 1, с. 147] (ср. со сценой из «Тараса Бульбы», где танцующие объединяются под веселую музыку). Более серьезный *раз-лад* мы видим в «Тарасе Бульбе», где «густые звуки» и «гром» органа в католическом костеле заставляют забыть Андрия «очаровательную музыку мечей и пуль», ввергают его в противоречия и толкают на путь предательства товарищеского единства: «В это время величественный стон органа наполнил вдруг всю церковь... перешел в тяжелые раскаты грома... обратившись в небесную музыку... и дивился Андрий с полуоткрытым ртом величественной музыке» [5, т. 2, с. 473]. Выхожение из соборного товарищества оборачивается несвободой индивида: такова судьба младшего сына Тараса Бульбы, который совершил безлагодатное своеволие, отрекаясь от отца, брата и Отечества, он, по сути, отрекается и от своей веры: «И погиб козак! Пропал для всего козацкого рыцарства! *Не* видать ему больше ни Запорожья, ни отцовских хуторов воинов, *ни* церкви божьей!» [1, т. 2, с. 92]. Смысл собственного бытия отождествляется со служением сверхличному началу. «Православная мудрость видит несвободу в отказе от следования надличностным истинам веры. Критерием истины здесь могут служить единственно слово Спасителя...: «Нет большей любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин, 15:13)» [6, с. 408]. Границы человеческого существа и его Родины едины в этом мире «товарищества», только в любви и может полнее всего осуществить себя свобода человека, и четко звучит утверждение автора повести: «нет силы сильнее веры» [1, т. 2, с. 146]. Конечно, Н.В. Гоголь замечает, что «вся Сечь молилась в одной церкви и готова была защищать ее до последней капли крови, хотя и слышать не хотела о посте и воздержании» [1, т. 2, с. 63]. Это замечание указывает на внешнюю религиозность казаков, и отвержение поста ослабляет дух, приводит к своеволию и к страшному предательству веры. В работе В.Д. Денисова «Изображение козачества в раннем творчестве Н.В. Гоголя» детально рассматриваются противоречия, сформировавшие, а затем разрушившие «козацкую вольницу», «товарищество». Укреплять же дух надо «истинным благочестием»: «Причина всех трагических бед народных была обозначена ясно: греховное богоотступничество. Назван был и путь избавления от бед: возвращение к Богу и покаяние» [6, с. 415]. Примером духовного *раз-лада* является и образ колдуна в «Страшной мести», стоящего особняком от людей и от Бога, а заключенный им союз – дьявольский. Изначально этот образ нам подан при помощи частицы «*не*» (ср. с описаниями «погибшего козака» Андрия): «Явлению колдуна на пире предшествует рассказ о том, как *не* приехал на пир отец жены Данилы Бурульбаша: «... Гости дивятся белому лицу пани Катерины; но еще больше дивились тому, что *не* приехал с нею... старый отец...» [4, с. 39]. Отец Катерины «верно, много нарасказал бы дивного... Там все *не* так: и люди *не* те, и церквей христовых *нет*...» [1, т. 1, с. 146]. Данило замечает и то, что «*не* захотел выпить меду! Горелки даже *не* пьет... он и в господу Христа *не* верует», и далее: «... отец твой *не* хочет жить *в ладу* с нами... *Не* хотел выпить за козацкую волю! *Не* покачал на руках дитяти... Нет, у него *не* козацкое сердце» [1, т. 1, с. 151]. Такая же установка (выявить чуждость) в описании оружия в замке колдуна: «Висит оружие, но все *странное*: такого *не*

носят *ни* турки, *ни* крымцы, *ни* ляхи, *ни* христиане...». Все это знаки нечеловеческой, запредельной силы [4, с. 42]. Даже фамильное кладбище колдуна не похоже на обычное кладбище, где «гниют его нечистые деды»: «*ни* калинки *не* растет меж крестами, *ни* трава *не* зеленеет, только месяц греет их» [1, т. 1, с. 149]. Бытовые странности отца Катерины повергают Данила в уныние, он «*не* так... делал все, как православный» [1, т. 1, с. 159], он «*не* хочет жить *в ладу*». Для колдуна «лад» и не возможен, ведь он – богоотступник. *Тоску по ладу* мы видим в повести, предшествующей «Страшной мести», «Вечере накануне Ивана Купала». Заключив, как и колдун, сделку с дьяволом, Петрусь получает клад, но проливает человеческую кровь и теряет душу: «Собравши все силы, бросился бежать он. Все покрывалось перед ним *красным цветом*. Деревья, все *в крови*, казалось горели и *стонали*. Небо, раскалившись, дрожало...» [1, т. 1, с. 48]. Кровавый свет в этой картине – отражение общей катастрофы, страдания, «стон» всего окружающего, предвестник близящихся несчастий. Петрусь, покинув Медвежий овраг и лес, оставил там чудесный цветок папоротника, а с ним и память об ужасной ночи. И начинают жить Пидорка да Петрусь, «словно пан с панею»: «Однако же добрые люди качали слегка головами, глядя на житье их. «От чорта *не* будет добра, – поговаривали все в один голос. – Откуда, как *не* от искусителя люда православного, пришло к нему богатство?»... Говорите же, что люди выдумывают! Ведь в самом деле, *не* прошло и месяца, Петруся никто узнать *не* мог. Отчего, что с ним сделалось, бог знает... Все думает и как будто бы хочет что-то припомнить» [1, т. 1, с. 49–50]. Страх, тоска, томление, а после и гнев, бешенство овладевают Петрусем. Он измучен тщетным своим припоминанием, ни любовь, ни достаток не радуют его. Жизнь не в жизнь стала героям: «Одичал, оброс волосами, стал страшен Петрусь... Но прежней Пидорки уже узнать нельзя было. *Ни* румянца, *ни* усмешки: изныла, исчахла, выплакала ясные очи» [1, т. 1, с. 51]. Прежнего уклада уже не восстановить, он трагически рухнул, обернувшись *раз-ладом*. Петро все же припоминает свой грех, но ничего изменить уже нельзя – он погибает, а «нечистый» клад оборачивается черепками. Пидорка дает обет идти на богомолье, только в Киевской лавре, покаившись, можно приобщиться к Царству Небесному (возможность достижения лада в земной жизни): «...Козак рассказал, что видел в лавре монахиню... беспрестанно молящуюся... Что будто еще никто *не* слышал от нее *ни* одного слова; что пришла она пешком и принесла оклад к иконе божьей матери, исцвеченный такими яркими камнями, что все зажмурились, на него глядя» [1, т. 1, с. 52]. *Раз-лад* проявляется и через пошлость, окружающую *Мир-город* в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Реальным воплощением дьявола (в «Светлом Воскресенье» писатель приходит к выводу: «Дьявол выступил уже без маски в мир» [7, с. 267]) на земле, по представлению Н.В. Гоголя, являются *скука*, *пошлость* и *тоска*, которыми он околдовывает человечество. Зло входит в мир через человека, душа которого, изначально светлая и добрая, извращается и омертвевает. В «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» представлена анекдотическая ссора и тяжба двух миргородских приятелей – Перерепенко и Довгочхуна, рассказ о которых заканчивается знаменитыми словами, открывающими страшное – память о ладе утрачена, но душа болит – по ладу: «Скучно на этом свете, господи!». Первоначальное благополучие жизни героев изменяет ссора, и молниеносно из закадычных приятелей Иван Иванович и Иван Никифорович делаются заклятыми врагами: «Итак, два почтенные мужа, честь и украшение

Миргорода, поссорились между собою! и за что? за вздор, за гусака» [1, т. 2, с. 208]. С нескрываемым сарказмом описывает Н.В. Гоголь Миргород, в котором имели место данные события. Какой духовности и высоты помыслов можно ждать от жителей города, главной примечательностью которого являлась «удивительная лужа». Мир-город, первоначально удивительно тихий, наполняется шумом из-за разразившегося сражения между двумя бывшими друзьями. Разрушены мир и гармония «мирного города». *Подсудное присутствие лада* и одновременно осознание его хрупкости – в «Старосветских помещиках». В основе жизни старосветских помещиков лежит покой, который «в христианской традиции мыслится как самоприсущее свойство всесовершенства Творца, а также и совершенства святости» [6, с. 403]. Покой усадьбы старичков есть символическое *отражение* покоя Горнего мира. Земная жизнь по своей сути есть *раз-лад*: божественное начало переходит к обособлению, приобретая, таким образом, мирское, несовершенное существование. Но мир старосветских помещиков *приобщен к ладу* и *взыскует* его в повседневной жизни. Благословенная их земля родит в изобилии, земной рай предстает в облике щедрого и обильного сада, но Афанасию Ивановичу и Пульхерии Ивановне «так мало было нужно». Этот зыбкий мир огражден от суевы внешнего мира, «внематериален», над ним не тяготее проклятие *время-смерть*. Но главное, что скрепляет все бытие старосветского мира, есть любовь, названная «привычкой», которая противопоставляется страстям плотским. Для А.М. Ремизова любовь и привычка вещи несовместимые: «привычка» забывается, «страсть» проходит, а «любовь» – судьба. В повести есть противопоставление любви и страсти, но не любви и привычки: «Эта любовь уже привычна в той мере, в какой привычкою становится для человека его каждодневное молитвенное обращение к Богу... Такая привычная любовь становится одним из средств богопознания» [6, с. 404]. Единство привычной любви и *уклада* не статично, а на постоянном и неотвратимом пути к обновлению. Здесь не может быть противопоставлений и *раз-лада*, а только движение от одного жизненного цикла к другому, сохраняя любовь и благодать земную. Н.В. Гоголь совершает открытие – интенсивность чувства не значит истинность (вспомним историю некоторого молодого человека, у которого умерла возлюбленная). Над привычной и подлинной любовью не властно время, поэтому через пять лет Афанасий Иванович при воспоминании о Пульхерии Ивановне заплакал: «...слезы, как ручей... лились ливмя... накаплиаясь от едкой боли уже охлажденного сердца» [1, т. 2, с. 28–29]. Любовь старосветских помещиков лишь *отсвет* любви божественной, и все равно «сила этой любви так велика, что дает спокойно умереть человеку» [2, с. 22]. «Мы скоро увидимся на том свете!» – говорит Пульхерия Ивановна. «Положите меня возле Пульхерии Ивановны», – последнее слово Афанасия Ивановича. И все-таки смерть заставляет задуматься над тем, что бытие земное так зыбко, «...сам Гоголь... только «иногда», «на минуточку», «на краткое время» соглашается попасть в этот рай... Для нас уже это «потерянный рай» [2, с. 23]. Уже в самых невинных подшучиваниях Афанасия Ивановича над своей супругою слышатся грозные, хоть и слабые, отзвуки подсознательного ощущения хрупкости их земного счастья. Страх в мире старосветских помещиков – потерять благословение Божие и оказаться вне благодати, вне лада. Это не страх, граничащий с ужасом, как в «Страшной мести» и «Вие», где *раз-лад* заполнил душу героев. Храня тайну взаимности, старики опекают друг друга, и оттого горько потерять им душевный мир. В «Тарасе Бульбе» тоже *хранится память о ладе* и укрепляет волю к нему право-

славное казачество, оно сосредоточено на достижении лада посредством уз «братского товарищества», которое сильнее любви Повесть эта стала апофеозом мужества, отваги и патриотизма; основой жизни является вольность и «товарищество», одухотворенные чувством любви к Родине и к истинной вере русского народа. «Товарищество», как и православная соборность, противоположно «западническому индивидуализму и эгоцентризму» [6, с. 407]. Товарищество – это такое странство, проникнутое ладом, где каждому и всем есть место. «Разумеется, товарищество еще не совпадает с соборностью во всей полноте, оно есть своего рода низшая ступень ее, но осмысление идеи «Тараса Бульбы» без этой категории останется неполным» [6, с. 408].

Мышление «музыкальными ассоциациями», формирующими представление о высшем предназначении искусства, с силой отразилось и в позднем творчестве писателя. В поэме «Мертвые души», где Н.В. Гоголь превзошел границы романного жанра, появляется символическая картина Руси, «где наряду с образами бескрайних дорог и знаменитой тройки» [3, с. 126] звучит «затянутая вдаль» песня: «Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе?.. Что в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и хватает за сердце? ... Русь! Чего же ты хочешь от меня?» [1, т. 5, с. 230]. Здесь изображена не «звучащая песня», но «песенное слово», которым Н.В. Гоголь воспел всю высоту жизни, являя в этой же поэме «всю пошлость жизни... сатирическим пером, – показал именно это, важнейшее: как ни будь низка низость века сего, она никогда не будет полной правдой... потому что на ней эта жизнь не кончается» [8, с. 19]. Эта песня – явленность лада: «Из песни – вся последующая поэзия во всем ее многообразии. Из песни – вся последующая музыка во всем ее многообразии. Из песни вся последующая человеческая мудрость. То, о чем нельзя сказать, можно пропеть, потому что песня больше, чем та область, в которой правят разговоры» [9, с. 301]. Созидающая и объединяющая сила музыки пробуждает душу, но и таит в себе духовную опасность. Звучность, эмоциональная насыщенность произведения, проникновенность – завет русской музыки, который необходимо принять для сочинительства в русском духе и *складе*. С этого внимательного отношения к задумчивости народной песни (к народным корням) и начался Н.В. Гоголь как величайший художник.

И все же мелодико-поэтическое содержание художественного произведения у Н.В. Гоголя не может исчерпываться только «музыкальностью». От «звучности» народной песни ранних повестей, пронизанных «*южно-русским*» ладом, по А.М. Ремизову («Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь, или Утопленница», «Ночь перед Рождеством», «Страшная месть» – цикл «Вечера»), Н.В. Гоголь все более переходит к его *явному присутствию* в последующем творчестве («Старосветские помещики», «Тарас Бульба» – цикл «Миргород», поэма «Мертвые души»). В повестях цикла «Миргород» мы говорим о подспудном присутствии лада, о его взыскании, об осознании его хрупкости («Старосветские помещики»), о его живом ощущении и явленности, если нам явлено зрелище внутренней гармонии героев, которые своей жизнью укрепляют волно к ладу («Тарас Бульба»). Дисгармония мира выражается у Н.В. Гоголя через угасание или отсутствие музыки («Сорочинская ярмарка», «Ночь перед Рождеством», «Вий»; «Страшная месть», «Тарас Бульба»). Все зло (от страшного до пошло-го), изображенное Н.В. Гоголем, убого и бессодержательно в себе («Страшная месть», «Вий», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»). Из

него ничего не получается кроме разрушения, *раз-лада* – последней ступени после *вне лада* пребывающих героев, *тоскующих по ладу* и стоящих особняком от божьего мира («Вий»; «Вечер накануне Ивана Купала», «Страшная месть», «Тарас Бульба»). Предметно не останавливаясь на позднем творчестве Н.В. Гоголя («Выбранных мест из переписки с друзьями», «Размышлениях о божественной литургии»), отметим, что писатель выходит в этих творениях за пределы художественности и становится орудием самораскрытия лада, который сродственен божественному имени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 6 т. / Н. В. Гоголь. – М. : ГИХЛ, 1952–1953. – Т. 1 : Вечера на хуторе близ Диканьки. – 1952. – 350 с.
Т. 2 : Миргород. – 1952. – 338 с.
Т. 5 : Мертвые души. – 1953. – 462 с.
Т. 6 : Избранные статьи и письма. – 1953. – 455 с.
2. Ремизов А. М. Сны и предсонья / А. М. Ремизов. – СПб. : Азбука, 2000. – 432 с.
3. Балдина Е. В. Музыка в художественном мышлении Н. В. Гоголя / Е. В. Балдина // Нові гоголезнавчі студії. – Сімферополь, 2005. – Вип. 2. (13). – С. 124–130.
4. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя / Ю. В. Манн. – М. : Худож. лит., 1988. – 413 с.
5. Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 9 т. / сост. подг. текста и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. – М. : Русская книга, 1994. – Т. 2. – 1994. – 493 с.
6. Дунаев М. М. Православие и русская литература / М. М. Дунаев. – 2-е изд., испр., доп. – М. : Христианская литература, 2001. – 733 с.
7. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями / Н. В. Гоголь. – СПб. : Азбука-классика, 2008. – 320 с.
8. Свящ. Н. Булгаков. «Душа слышит свет»: Н. В. Гоголь про нас / Свящ. Н. Булгаков. – М. : Изд. Храма Державной Иконы Божией Матери, 2003. – 80 с.
9. Домашенко А. В. Лад как присутствие / А. В. Домашенко // Актуальні проблеми іноземної філології : Лінгвістика і літературознавство. – Донецьк, 2009. – Вип. III. – С. 297–305.